

Траммп в законе

Взаимоотношения президента США с правом во внутренних и внешних делах его страны не симметричны

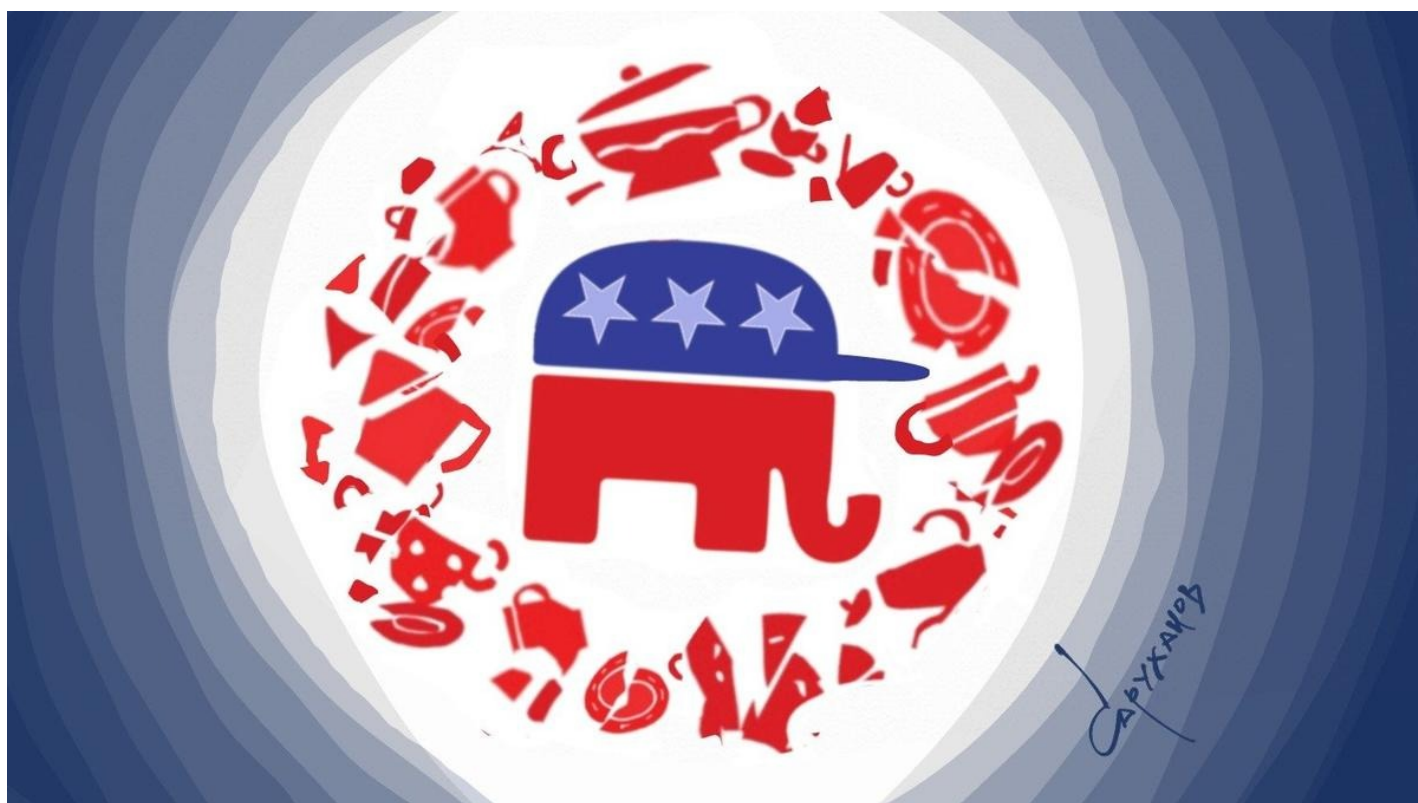

Рисунок: Петр Саруханов / «Новая газета»

14:25, 28 января 2026,

Леонид Никитинский

обозреватель «Новой»

Сегодня для нас актуальны в первую очередь инициативы Дональда Трампа в области внешней политики, но мы начнем с краткого экскурса по изменениям в законодательстве и практиках во внутренней политике США за первый год второго срока Трампа. В этом «Новой» помог магистр права из США и ведущий специального телеграм-канала на русском языке Игорь Слабых*.

1 июля 2024 года, в разгар предвыборной гонки, Верховный суд США шестью голосами консерваторов против трех голосов либералов принял принципиальное решение о полном иммунитете президента США от преследования за действия в рамках его полномочий и о презумпции такого иммунитета за другие официальные действия. В деле речь шла о действиях Трампа в течение первого президентского срока, включая обвинения в призывах к штурму Капитолия в январе 2021 года.

Многие юристы не согласны с этим решением, так как такой иммунитет не прописан в Конституции США, не было в истории страны и подобных прецедентов. В частности, Слабых указывает, что в такой же логике в 2022 году Верховный суд вынес отрицательное решение и отменил свое же решение 1973 года о конституционном праве на аборт.

Теоретически с решением Верховного суда от 1 июля 2024 года можно спорить, но еще до повторного избрания и инаугурации Трамп получил де-факто больше полномочий, чем любой президент до него. Так, решение о специальной операции в Венесуэле 3 января независимо от последствий, к которым она еще может привести, не будет служить основанием для привлечения Трампа к ответственности.

Фора, полученная Трампом в силу этого судебного решения, позволила ему с места в карьер и без оглядки на законодательную власть ликвидировать Агентство по

международному развитию (USAID) и другие правительственные структуры, шантажировать университеты сокращением государственного финансирования, наконец — увольнять без объяснения причин государственных служащих, включая прокуроров высшего ранга, генеральных инспекторов различных ведомств, а также миграционных судей, которые являются служащими Минюста.

Особенно свирепствует администрация Трампа в сфере миграционной политики, о чем «Новая» уже подробно писала (в частности, 24 декабря прошлого года).

Однако такие решения администрации Трампа, как правило, могут быть обжалованы в федеральных судах, что довольно часто и происходит. Федеральные судьи, назначенные пожизненно, далеко не всегда встают на сторону администрации.

По состоянию на осень прошлого года из 148 судебных решений, принятых по искам против инициатив Трампа с начала его второго президентского срока, 57 были вынесены в пользу администрации, а 91 — частично или полностью блокировали ее инициативы, хотя многие из них затем были отменены Верховным судом, где большинство голосов остается за республиканцами.

27 июня Верховный суд принял решение, которое ограничивает возможности федеральных судей низших инстанций блокировать президентские указы на общенациональном уровне. Теперь федеральные судьи смогут выносить решения только в пользу конкретных истцов, то есть эти решения не будут иметь силу прецедента.

Верховный суд, как отмечает Слабых, при разрешении важных споров злоупотребляет ускоренной процедурой, что позволяет суду не мотивировать свои решения.

В то же время за прошедший год на порядок увеличилось число отказов в возбуждении уголовных дел со стороны больших жюри. Большое жюри присяжных, перед которым выступает прокурор, простым большинством голосов решает, достаточно ли доказательств, чтобы дать делу ход, и есть ли вообще смысл с этим затеваться.

Фото: Jim WATSON / AFP

Резюмируя эту часть, можно сказать, что во внутренних делах Трамп пытается использовать то, что у нас называется «административным ресурсом», и не стесняется публично обзывать судей «животными». В то же время здесь его действия упираются в систему сдержек и противовесов, образцом которой всегда считались США. Во внутренних делах о полном

произволе администрации Трампа говорить все-таки нельзя, в отличие от его действий на международной арене, где, как говорит сам Трамп, его сдерживают только его собственная мораль и здравый смысл.

Если внутри страны Трамп вынужден считаться с правилами, то во внешних отношениях он претендует их не замечать и создавать новые.

На обломках международного права, которые рухнуло не без его активного участия, Трамп пытается запустить новый механизм разрешения международных конфликтов: Совет мира — Board of Peace.

Все, что может способствовать миру, то благо, но возникает вопрос о легитимности этого органа. Если имеется в виду модель своеобразного третейского суда, то его должны уполномочить своим согласием стороны конфликтов, что проблематично.

Если же это орган «мирового правительства», то на чем будет основываться обязательная сила его решений? И чем, какой силой, она будет подкреплена?

Раз Трамп отбрасывает кристаллическую решетку права, значит, под ней и глубже нее должно находиться что-то, на что он может опереться, кроме «собственного разума». Таким фундаментом, по-видимому, является легитимность, которая предшествует праву и позволяет его пересматривать.

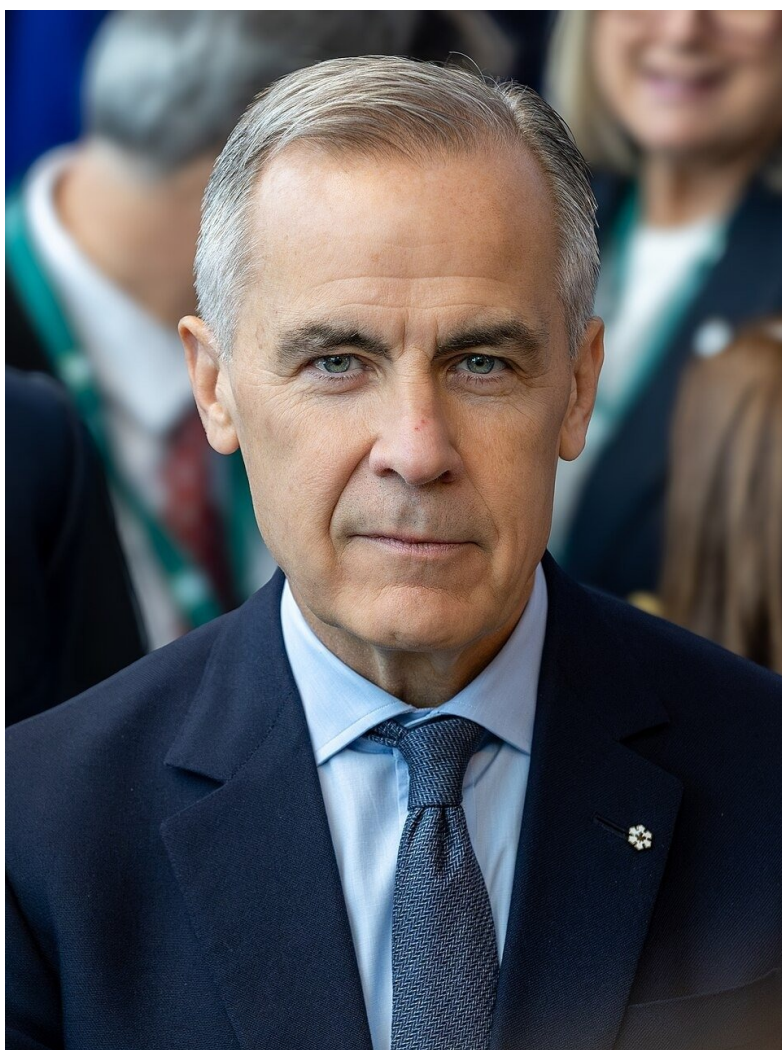
На внешней арене легитимность Трампа основывается на том, что все субъекты (а их 193, если считать членов ООН) не могут не признавать его законным главой сильнейшего на сегодняшний день государства мира. Но с попыткой создать «новый ООН» пока согласились лишь 19 государств из 49 получивших приглашения, среди них пять стран СНГ, но нет ведущих государств Европы.

Трамп сам себя назначил бессменным главой Board of Peace (коллега Панфилова заметила, что Board чаще переводится не как «Совет», а как «правление»), в его руководящие органы вошли его помощники, за собой Трамп зарезервировал право вето на любое решение совета, как и право приглашать в него все другие государства. Не принять такое приглашение рискованно — Трамп обещал «запомнить», а принять — в общем, унижительно: слишком очевидно неравенство партнеров.

Макс Вебер, сформулировавший концепцию легитимности, выделил такие ее виды, как традиционная, харизматическая и рациональная. Последний вид у Вебера тождествен правовой рациональности: если все субъекты, включая правительство, действуют в юридических рамках, это и есть самый рациональный способ сосуществования.

Но что происходит с такой легитимностью в эпоху кризиса права, который мы наблюдаем сегодня? Сильнейшие (и харизматичные) субъекты для пересмотра статус-кво обращаются к «праву силы», а для остальных наиболее рациональной стратегией оказывается оппортунизм, приспособленчество. Так во дворе всегда появляется (и меняется) не обязательно лидер, но тот, за кем все молчаливо признают «право силы». Отказываться от предложений такого «парня» страшно, согласиться — значит, попасть в зависимость.

Эту мысль в рамках Давосского форума блестяще развил премьер-министр Канады Марк Карни. Разделив государства на сверхдержавы и средние страны, он указал, что оппортунизм создает лишь иллюзию сохранения суверенитета. Средним государствам надо объединиться (возможны разные конфигурации объединения по разным вопросам), чтобы избежать поглощения сверхдержавами если не де-юре, то де-факто. Трамп, со своей стороны, тоже счел эту мысль настолько важной, что отозвал приглашение Канады в Совет мира.

Марк Карни. Фото: википедия

Между международным правом и внутренним правом любой страны есть пересечение: это так называемые естественные права человека. После Второй мировой войны страны Европы договорились, что права человека — общее дело, на которое надо смотреть поверх национальных границ. На этом

фундаменте стоит Совет Европы и Европейский суд по правам человека, но сейчас этот консенсус оспаривается с точки зрения национальных суверенитетов, в том числе РФ и США (но не только: в Китае, например, рассчитывают на другие механизмы и считают концепцию прав человека для себя просто излишней). В диктуемой сверхдержавами международной повестке вопроса о правах человека сегодня, в принципе, нет — в запале соперничества они слишком озабочены проблемами собственного суверенитета.

В логике Карни продвигать в общую повестку вопросы прав человека как раз и должны «средние державы», с уровня которых Человек виднее. Можно заниматься изобретением и сменой международных институтов, но нельзя забывать о Человеке, ради которого и существует право, включая международное.

США до последнего времени претендовали на роль главного «полицейского» по вопросам демократии и прав человека, иногда используя их как предлог для вмешательства в дела других стран, но Трамп второго срока считает этот груз бесполезным.

Америке «Great Again» права человека скорее безразличны. Правая политика Трампа подразумевает в первую очередь экономическую эффективность.

Между тем уровень одобрения политики Трампа в США снижается и в январе 2026 года составил лишь 35%. Трамп подрастерял свою харизму, и внутри страны его легитимность имеет классический рациональный характер: она опирается на то самое право, с которым он сам не желает считаться, а

законопослушные избиратели ждут следующих выборов.

У 79-летнего Трампа есть еще три года, чтобы научиться, как удерживать власть, на примере «друга Владимира». Но все-таки Америка — не Россия и всерьез рассчитывать на администрирование итогов голосования в США не стоит.

Называя вещи своими именами, не всегда легко различить грань между цинизмом и честностью. Трамп открыто заявляет, что он «сам себе право» и его действия ограничивают только его собственные мораль и разум. Владимир Путин, наоборот, не устает расшаркиваться перед законом. Кто из них двоих циничней или честнее?

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».